

Сборник студенческих научных работ - Смоленский гос. ун-т. ист. филол. - Смоленск, 1960

Студент III курса историко-филологического факультета
Т. Б. ЛЮКОУМОВИЧ.
(Научный руководитель, кандидат филологических наук
Л. И. НИКОЛЬСКАЯ).

МАСТЕРСТВО С. МАРШАКА — ПЕРЕВОДЧИКА БЕРНСА

Поэзия Бернса дорога и близка советскому читателю. Она волнует нас глубоким сочувствием к судьбе простых людей, насыщенностью революционно-обличительными мотивами, подкупает искренностью чувств. Шотландский поэт выразил в своих бессмертных произведениях страдания и чаяния родного народа, его стремления и веру в светлое будущее, его надежды на торжество справедливости. Он воспел людей гордых и стойких, умеющих переносить все тяготы жизни, выше всего стоящих свободу, считая её бесценным сокровищем. Он был «певцом и другом простых людей из деревень»¹.

Произведения Бернса любил Карл Маркс, их высоко ценили Белинский, Огарёв, Некрасов и Тургенев. «Поэтом народным и великим» называл Бернса Гарас Шевченко.

Русскому читателю шотландский поэт стал знаком ещё задолго до революции. Одну из строф его грошальной песни перевёл Лермонтов. С переводами стихов Бернса в печати выступали Жуковский, Курочкин, Михайлов, Блок, Брюсов, а в наше время — Э. Багрицкий и Т. Щепкина-Куперник.

Эти поэты — переводчики Бернса — дали русскому читателю известное представление о его поэзии, но понастоящему раскрыл её идейно-художественное своеобразие советский поэт и переводчик Самуил Яковлевич Маршак. Опираясь на успехи русской классической и современной лирики и на достижения в области переводов, он сумел донести до широкого круга читателей многогранное творчество Бернса.

В своём творчестве Маршак следует лучшим традициям русской переводческой школы. Его переводы обре-

¹ С. Маршак, «На родине Бернса».

тают равноправную жизнь на русском языке и воспринимаются как оригинальные произведения. В то же самое время его поэтические переводы соответствуют звуковым и метрическим особенностям поэзии того языка, с которого переведены.

Под пером С. Маршака шотландский поэт Бернс заговорил на русском языке, как на родном, со всей непосредственностью, присущей его творчеству. Такого искусства перевода Маршак достиг не сразу. Начав в 1924 г. переводить Бернса, он постоянно усовершенствовал своё мастерство. Маршак овладел английским языком, досконально изучил историческую эпоху, осмыслил мировоззрение и идейно-художественное своеобразие творчества Бернса. Помимо этого, он познакомился с английской классической поэзией, с богатым английским и шотландским народным фольклором, на который опирался Бернс, создавая свои стихи. Именно такой исторический и литературоведческий подход позволил Маршаку-переводчику добиться успеха в переводческой работе.

Если в ранних переводах С. Маршака не всегда удавалось отыскать в родном языке слова, единственно точные, равнозначные оригиналу по значению и силе выразительности, то со временем он добивается всё большей и большей точности. Однако, хотя точность и считается в первую очередь мерилom всякого перевода, но она не является единственным его условием. Нельзя переводить слово за словом, ибо это приводит к неестественному звучанию стиха. Маршак стремился передать не только точность оригинала в содержании, но и сам дух произведений Бернса, их образную систему, интонацию и мелодику, своеобразие поэтических приемов. Советский поэт добился того, что его переводы сохраняют верность всем особенностям творческого почерка Бернса.

Его переводы звучат как высокохудожественные произведения, сделанные первоклассным мастером. Они чаруют и пленяют читателя. В большой степени этой удаче Маршака способствовало и то, что ему оказалась внутренне близка поэзия Бернса с её народным духом и своеобразным ритмическим строем.

Одним из программных стихотворений Бернса является «Честная бедность». По форме оно во многом приближается к шотландской народной балладе. Музыкальный

мотив народной песни придаёт ему напевность. Маршак бережно сохраняет идейный смысл стихотворения. Он передаёт гневный укор Бернса, направленный против тех, кто стыдится честной бедности:

Кто честной бедности своей
Стыдится и всё прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

«Кто честным кормится трудом, — таких зову я знатью» — заявляет Бернс, выражая тем самым свои глубокие симпатии к трудовому народу.

Стремясь при переводе на русский язык к передаче точного звучания стихотворения, Маршак производит деление бернсовских восьмистиший на две части. Первое четверостишие выступает как у Бернса, а второе — Маршак переводит в виде своеобразного рефрена, в то же время не отступая от содержания подлинника. Введение этого рефрена придаёт необычайное музыкальное звучание стихотворению «Честная бедность» на русском языке.

Возьмём, к примеру, третью строфу из бернсовского стихотворения:

Ye see you birkie ca'd «a lord»
Wha struts, an'stares, an'a'that;
Tho' hundreds worship at his word,
He's but a coof for a'that:
For a'that, an'a'that;
His ribband, star, an'a'that
The man o' independent mind
He looks an laughs at a'that¹.

Первые четыре строчки этого восьмистишия Маршак переводит так:

Вот этот шут — природный лорд,
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд,
Бревно бревном останется.

¹ Буквальный прозаический перевод:

Смотри, вон там дерзкий, именуемый лордом,
Который важно выступает, глазет и всё такое...
Две сотни льстецов лоят с благоговением его слова,
А он никто другой, как дурак, и всё такое...
И по всему по этому и всё такое, —
У него лента, звезда и всё такое...
А человек с независимым умом
Смотрит и смеётся, и всё такое...

Переводчик сохраняет не только ритм стиха, но и его общественно-политическое содержание. Издевательно звучат строки о надменном лорде, бичующие богатых бездельников и эксплуататоров. Меткость и сила бернсовской сатиры передана с предельной точностью.

Второе четверостишие Маршак переводит в виде рефрена:

При всём при том,
При всём при том,
Хоть весь он в позументах, —
Бревно останется бревном
И в орденах и в лентах.

Вводя рефрен, С. Маршак мастерски передал на русский язык музыку повторов шотландской поэзии, которую так хорошо усвоил Бернс:

При всём при том,
При всём при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штам на золотом,
А золотой —
Мы сами!

Маршаку удался перевод потому, что он не слепо следовал за оригиналом, а перевёл творчески. Сохранив весь поэтический строй стихотворения, Маршак в то же время передал с предельной ясностью твёрдую уверенность Бернса в том, что

Настанет день и час пробьёт,
Когда уму и чести
На всей земле придёт черёд
Стоять на первом месте.

и предсказание поэта, что «будет день, когда кругом все люди станут братья!»

Стихотворение «Честная - бедность» в переводе С. Маршака получило широкую известность в нашей стране и пользуется заслуженным успехом.

Замечательное произведение Бернса «Джон Ячменное зерно» берёт своё начало из старинной народной английской баллады. Оно проникнуто идеей бессмертия народа, его вечно живой силы. Маршак правильно воспринял эту идею и верно передал её в своём переводе:

Велели выкопать сохой
Могилу короли,

Чтоб славный Джон, боец лихой,
Не вышел из земли.

Травой покрылся горный склон,
В ручьях воды полно,
А из земли выходит Джон
Ячменное зерно.

Всё так же буен и упрям,
С пригорка в летний зной
Грозит он копытами врагам,
Качая головой.

Ал. Твардовский в статье, посвящённой творчеству Маршак, как переводчика Бернса, берёт это стихотворение для того, чтобы доказать преимущество переводов Маршак над переводами из Бернса, выполненными другими авторами¹.

Сравним первую строфу оригинала этой баллады с переводами её на русский язык, выполненными несколькими авторами.

There were three kings into the east,
Three kings, both great and high,
And they hae sworn a solemn oath
John Barleycorn should die

Дословный перевод строфы таков: «три восточных короля, великих и могучих, поклялись торжественной клятвой, что Джон Ячменное зерно должен умереть».

Михайлов даёт следующий перевод этого четверостишия:

Когда-то сильных три царя
Царили заодно
И порешили: «Сгинь ты, Джон
Ячменное зерно».

Твардовский правильно отмечает недостатки этого перевода. Он пишет, что слово «короли» было бы более уместным, чем «цари», отмечает неудачную рифму «заодно» — «зерно» в данном контексте и что слова, выражающие решение королей, звучат словно заклинанье, а не как приговор. К замечаниям Твардовского можно ещё добавить, что выражение «три царя царили заодно», воспринимается, благодаря слову «заодно», как то, что они правили в одной стране, а это искажает смысл со-

¹ А. Твардовский, «Роберт Бернс в переводах С. Маршак» (журн. «Новый мир», № 4, 1951 г.).

держания предложения. Неудачно подобрано слово «порешили», которое звучит как-то обыденно, и к тому же приставка «по» придаёт слову смягчающий оттенок. Здесь «порешили» вовсе не передаёт бернсовского «поклились торжественной клятвой». К тому же Михайлов заменил два эпитета («могучих и великих») одним, менее выразительным.

А. Твардовский также приводит эту строфу в переводе Эд. Багрицкого.

Три короля из трёх сторон
Решили заодно:
— Ты должен сгинуть, юный Джон
Ячменное зерно.

В этом переводе уже вместо «парей» — «короли», но неудачно звучит «из трёх сторон», неудачно и здесь выражено решение королей словами «должен» и «юный».

Почти буквальный перевод этой же строфы даёт Т. А. Щепкина-Куперник:

Раз три восточные царя
Решили заодно
Дать клятву, что погибнет Джон
Ячменное зерно.

Однако у неё, как и у Михайлова, вместо «королей» царя лишь только собираются «дать клятву в том, что погибнет Джон Ячменное зерно. В отличие от других переводчиков Щепкина-Куперник сохранила указание подлинника на то, что принимают решение восточные короли.

Выгодно отличается от этих переводов перевод С. Маршак:

Трёх королей разгневал он
И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное зерно¹.

¹ О нём высоко отзывался Твардовский: «Здесь ни одно слово не выступает отдельно, оно цепко связано со всеми остальными, незаменимо в данном случае. А какая энергия, определённая музыкальная сила, отчётливость и в то же время заставляющая недосказанность вступления! С. Маршак не просто «переводил» строфу, пугливо озираясь на оригинал, а создавал её на основе оригинала, озабоченный тем, что будет вслед за этой строфой, — она влечёт за собой последующие».

Маршак переводил каждую строфу творчески, до тонкостей изучив оригинал. Посмотрим только на первую строку первой строфы в переводе Маршака: «Трёх королей разгневал он...». У Бернса нет указания на то, что Джон Ячменный зерно разгневал королей и соответственно не употребляется слово «разгневал». Исказил ли подлинник С. Маршак, когда в переводе ввёл это указание? Разумеется, нет. Оно само вытекает из всего смысла бернсовской строфы: зачем, спрашивается, было трём королям приговаривать к смерти Джона Ячменное зерно, если бы тот их чем-нибудь не разгневал? С. Маршак чутко уловил это содержание, стоящее как бы за строчками оригинала, а, уловив его, он ничем не погрешил против подлинника, указав на то, что трёх королей разгневал Джон Ячменное зерно. Этот пример с большой наглядностью ещё раз подтверждает творческую, вдумчивую работу Маршака над переводами. Произведения Бернса имеют народно-песенную основу. Много стихов поэт написал в бодром ритме непри- нуждённых и задорных шотландских танцев и песен. Отсюда сразу становится понятно, что переводчику необходимо передать на своём языке народно-песенную стихию Бернса. Сложность перевода его произведений на другие языки вызывается ещё задушевностью, глубо- чайшим лиризмом, сложной строфикой и разнообразной богатой рифмовкой. На некоторое время в литературо- ведении даже сложилось мнение о невозможности пере- дачи на другие языки бернсовских размеров и ритмов в тесной связи с точностью всего смысла его произведений. Однако Маршак успешно справился с этой задачей.

На мотив народной песни написано Бернсом стихо- ворение «A red, red rose» («Красная, красная роза»). Маршак перевёл его под названием «Любовь».

O, my love's like a red, red rose,
That newly sprung in June;
O, my love's like the melody
That's sweetly played in tune.
As fair art thou, my bonie lass,
So deep in love am I with thee;
And I will love thee still, my dear,
Till a' the seas gang dry.

Лирический герой Бернса рассказывает простыми, идущими от сердца словами о своей верной любви к девушке. Маршак полностью сохранил стиль под-

линника, не прибегая к вычурности и напыщенности. Он понял внутреннее звучание стиха, и у него всё стихотво- рение вылилось как горячее признание влюблённого юноши, как единый порыв искреннего чувства, не требу- ющего для своего выражения высокопарных слов:

Любовь, как роза, роза красная,
Цветёт в моём саду.
Любовь моя — как песенка,
С которой в путь иду.
Сильнее красоты твоей
Моя любовь одна.
Она с тобой, пока моря
Не высохнут до дна.

(«Любовь»).

Это же стихотворение перевести и Т. Щепкина-Ку- перник и перевела достоверно. Её перевод сделан лите- ратурно гладко (если не считать неудачного выражения: «Пока не ИССОХНУТ моря»), и воспринимается как оригинальное произведение, но стиль его не типичен для бернсовской манеры. Её перевод лишён той простоты, которая так явно чувствуется у Бернса, и которую так умело передал Маршак.

Любовь моя — алая, алая роза,
В июньский расцветшая энной;
Любовь моя нежная, нежная песня,
Мелодии звук неземной!
О как ты прекрасна!.. Как страстно люблю я.
Живу я, любовью горя;
И буду любить я тебя, дорогая,
Пока не иссохнут моря.

(«Любовь моя», перевод Т. Щепкиной-Куперник).

Таким образом, переведенное произведение может звучать литературно и в то же самое время не воспро- изводить точности оригинала.

Каждое слово в переводе должно быть к месту, спо- собствовать верному выражению мысли. Мельчайшее отступление может привести к несуровости. В стихотво- рении «В горах моё сердце» Бернс пишет о том, что, где бы он ни был, его сердце всегда остаётся в горах люби- мой родины: «My heart's in the Highlands, my heart is not here» («Моё сердце в горах, моё сердце не здесь...»). Рас- смотрим для сравнения заключительное четверостишие из этого стихотворения, переведенного Щепкиной-Ку- перник:

Моё сердце не здесь, моё сердце в горах,
Моё сердце несётся за ланью в скалах,
На охоте за ланью, за дикой серной!...
Где бы я ни был, в горах моё сердце наверно.

Не будем говорить о неправильном ударении в слове «скалах», но посмотрим на само содержание. Дословный перевод этой бернсовской строфы звучит так:

Моё сердце в горах, моё сердце не здесь,
Моё сердце в горах в погоне за ланью,
В погоне за диким оленем и лесною козуйей,
Моё сердце в горах, где бы я ни был.

Как видим, в первой строке Щепкина-Куперник полностью следует за Бернсом и так же, как и он, категорически заявляет: «Моё сердце не здесь, моё сердце в горах». Строку Бернса «Моё сердце в горах, где бы я ни был» Щепкина-Куперник переводит так: «Где бы я ни был, в горах моё сердце наверно». «Наверно» рифмуется с «серной» и поставлено в ущерб содержанию, т. к. слово искажает смысл категорического бернсовского заявления: «Моё сердце в горах, где бы я ни был» и заменяет его выражением «...в горах моё сердце наверно», которому слово «наверно» придаёт сомнение. Только одно слово, поставленное не к месту, и уже искажен смысл подлинника и в то же время Щепкина-Куперник противоречит в четвёртой строчке тому, что было сказано в первой!

Перевод этой строфы не удачен и у Маршака:

В горах моё сердце... Донные я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах моё сердце, а сам я внизу.

«Гоню я оленя, пугаю козу» звучит слабее, чем бернсовское «в погоне за диким оленем и лесною козуйей».

Песня Бернса «Ты меня оставил, Джеми» построена на эмоциональном повторении одних и тех же слов. Эти повторения напоминают народные причитания.

Thou hast left me ever, Jamie,
Thou hast left me ever;
Thou hast left me ever, Jamie,
Thou hast left me ever.
Aften hast thou vow'd that death
Only should us sever;
Now thou'st left thy lass for aye —
I maun see thee never.

Маршаку удалось добиться адекватного русского звучания стихотворения и передать страдания бернсовской героини:

Ты меня оставил, Джеми,
Ты меня оставил,
Навегда оставил, Джеми,
Навегда оставил.
Ты шутил со мною, милый,
Ты со мной лукавил —
Клялся помнить до могилы,
А потом оставил, Джеми,
А потом оставил.

Эти стихи сами просятся на музыку.

В переводе стихотворений Маршак умело передаёт бернсовские повторения. Он понял особенность поэтической формы у Бернса, её народный характер. Бернс любил использовать в стихах подхват последних слов одной строфы началом следующей строфы. Это придавало его стихам песенную непрерывность, позволяло связывать предыдущую мысль с последующей и добиваться того, чтобы читатель с неослабевающим вниманием всё время следил за ходом изображаемых событий. Маршак в своих переводах овладел и этим приёмом:

Теперь ты стал не тот Джон,
Ты знал немало вьюг,
Но будь ты счастлив, лысый Джон,
Джон Андерсон, мой друг!
Джон Андерсон, мой друг,
Мы шли с тобою в гору,
И столько славных дней, Джон,
Мы видели в ту пору.

(«Джон Андерсон»).

Стихотворение Р. Бернса «Шела О'Нил» полно юмора, аллитераций, богато каламбурными рифмами. В переводе Маршака они ощущаются так же ясно, как и в подлиннике.

С. Маршак сохраняет все богатства подлинника, интонацию Бернса, его иронию, шутку. (Стихотворение «О золотом кольце» и др.).

При чтении маршаковского перевода «Финдлея» без лишнего пояснения видно, что ему удалось сохранить восхитительно-весёлое озорство и остроумие подлинника, верно передать самоуверенность Финдлея и его мольбу в одно и то же время:

— Кто там стучится в поздний час?

«Конечно, я — Финдлей!»

— Ступай домой. Все спят у нас!

«Не все», — сказал Финдлей.

— Как ты прийти ко мне посмел?

«Посмел!» — сказал Финдлей.

— Небось наделаешь ты дел.

«Могу!» — сказал Финдлей.

— Тебе калитку отвори...

«А ну!» — сказал Финдлей.

— Ты спать не дашь мне до зари.

«Не дам!» — сказал Финдлей.

Это же стихотворение перевести Щепкина-Куперник, но её перевод менее поэтичен, чем перевод Маршака, к тому же она не избежала употребления просторечий (выдь, таки).

Зачем как вор прокрался тайно!
— Выдь да взгляни, — сказал Финдлей.

Не натворил бы бед случайно?..
— И натворю, — сказал Финдлей.

Что ж, встань и впустишь тебя, пожалуй?..
— Встань и впусти, — в ответ Финдлей.

Боюсь заснуть не дашь мне, малый!
— Таки не дам, — сказал Финдлей.

— («Кто это в дверь мою стучится?», перевод
Т. Щепкиной-Куперник).

Бернс писал эпиграммы на духовных лиц, на своекорыстных и жадных дельцов, на низкопоклонствующих перед знатью, на чванливых, но пустых графов, на тех, кто звергли «в рабство множество народа» и властвуют «бездушно, как тиран».

В переводе эпиграмм Маршак сохраняет всю «соль» подлинника, меткие сатирические характеристики, противопоставления и неожиданные обороты.

В переводе знаменитой кантаты Бернса «Весёлые нищие» фразы строятся С. Маршаком строго и лаконично:

К черту тех, кого законы

От народа берегут!

Тюрьмы — грусам оборона,

Церкви — ханжеству приют.

Каждое слово в этом отрывке выполняет определённую смысловую нагрузку, а все вместе создают энергичное звучание стиха, придают ему ритм революционных призывов. Эти строки в переводе, как и в оригинале, проникнуты мятежной силой, в них звучит решитель-

ность и порыв благородного сердца, возмущённого несправедливостями.

Удачно справился советский поэт и с переводом баллады «Том О'Шентер», которую Бернс считал лучшим своим произведением. Маршак сохранил при переводе на русский язык её политическую заострённость и гражданский протест.

Наша честь велит сместь
Угнетателей с пути
И в сраженьи обрести
Смерть или свободу!

С. Маршак много перевёл Бернса и продолжает работать над переводами его произведений. Допуская порою отступления от отдельных деталей, он никогда не допускает отступления от основного духа оригинала. Переводы Маршака удивительно слились с подлинником, свободно воссоздавая все его национальные особенности. Маршак верно уловил идейное содержание, музыку и ритм стихов Бернса. Благодаря его творческому, вдумчивому и вдохновенному переводу, стихи шотландского поэта «стали фактами русской поэзии», зазвучали «свежо и сильно», заискрились и заиграли в полноте чувств. До переводов С. Маршака, заявляет Твардовский, «мы не имели настоящего Бернса на русском языке»¹.

Маршак превратил работу переводчика в искусство. Он вложил весь свой талант, всю силу нравственного напряжения в то, чтобы «воистину воскресить» великого поэта Шотландии.

С. Я. Маршак открыл для советского читателя «волшебную песенную суть»² стихов Бернса. В его переводах во всю силу звучит голос шотландского поэта.

Высоко отзывался о переводах Маршака из Бернса Ал. Твардовский: «...эти переводы обладают таким очарованием свободной поэтической речи, будто бы Бернс сам писал по-русски, да так и явился без всякого посредничества перед нашим читателем»³. Эта оценка может служить высшей похвалой Маршаку-переводчику.

¹ А. Твардовский, «Роберт Бернс в переводах С. Маршака» (журн. «Нов. мир», № 4, 1951).

² А. Адалик, «Народный поэт», журн. «Октябрь», 1950, № 6.

³ А. Твардовский, «Роберт Бернс в переводах С. Маршака», ж. «Новый мир», № 4, 1951.